

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

ХРИСТИАНСТВО И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник восьмой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»
Санкт-Петербург
2017

УДК 821.161.1.0
ББК83.3(2Рос=Рус)1
Х93

Ответственные редакторы:
В. А. Котельников, О. А. Фетисенко

Рецензенты:
Е. И. Анненкова, А. М. Грачева

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»
(2012-2018 гг.).*

Христианство и русская литература: Сборник восьмой / Отв. ред.
Х93 В.А. Котельников и О. Л. Фетисенко, — СПб.: Издательство «Пуш-
кинский Дом», 2017. — 628 с., [12] с. вклейки

ISBN 978-5-91476-077-6

Серия научных сборников «Христианство и русская литература» выпускается в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук с 1994 г. Сквозные темы статей, вошедших в восьмой сборник, — славянофильское наследие и его значение для современности, монастырь и мир, возможность или невозможность отразить в художественном произведении реалии духовной жизни, Оптина Пустынь в русской литературе, проблема «сентиментального христианства». В первом разделе представлены работы о творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, А. С. Хомякова и К. Н. Леонтьева. Впервые публикуются неизвестный дневник С. Н. Дурылина, который он вел в Оптиной Пустыни в 1918 г., а также написанная в первые послереволюционные годы поэма Н. А. Павлович «Серафим». Второй раздел книги посвящен И. С. Аксакову и включает в себя как публикации неизвестных страниц его эпистолярия, так и исследования, в которых по-новому раскрывается ряд сюжетов его биографии и творчества.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-91476-077-6

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Пушкинский Дом», 2017

ЖИЛ ЛИ ХОМЯКОВ В ЦЕРКВИ?

Неизвестное письмо Д. А. Хомякова
к архимандриту Илариону (Троицкому)
из собрания семьи протоиерея Феодора Андреева

(Публикация В. А. Фатеева)

В 1913 г. в рецензии на кандидатское сочинение выпускника Московской духовной академии Александра Владимировича Аболенского на тему «Религиозно-философские воззрения Алексея Степановича Хомякова» будущий святитель Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий; 1886—1929) изложил свое мнение о религиозно-философских взглядах одного из крупнейших представителей славянофильства. Известный подвижник Православия, тогда 27-летний преподаватель первой кафедры Священного Писания Нового Завета, сам окончивший Академию только в 1910 г. и защитивший через два года магистерскую диссертацию, уже в те годы был признан талантливым богословом. Не случайно в том же 1913 г., после рукоположения в иеромонаха с именем Иларион, молодой профессор был вскоре, 30 мая, назначен инспектором Академии и возведен в сан архимандрита.

Интересующий нас отзыв на студенческую работу, написанный иеродиаконном Иларионом весной 1913 г., накануне рукоположения в иеромонахи, появился в печати в 1914 г.¹ Впоследствии, как известно, архиепископ Верейский Иларион (Троицкий) стал одним из соловецких узников и претерпел мученическую кончину в 1929 г.

¹ *Иларион (Троицкий), иеродиак., доц.* О сочинении студента Аболенского Александра на тему: Религиозно-философские воззрения Алексея Степановича Хомякова // Богословский вестник. 1914. Т. 1. Янв. Раздел: Журналы собраний Совета МДА. С. 175—180.

В 2000 г. он был прославлен Русской Православной Церковью как священномученик.

В своем отзыве на студенческую работу доцент иеродиакон Иларион (Троицкий) указывал как на достоинства воззрений А. С. Хомякова, так и на их недостатки. Он обратил, в частности, свое внимание на то, что студент А. Аболенский неоднократно упоминал в своей работе известное утверждение Ю. Ф. Самарина о том, что «Хомяков жил в Церкви»,² вполне с ним соглашаясь. Преподаватель нашел мнение студента ошибочным, а понимание Хомяковым идеи спасения «превратным», однако не разъяснил подробно, почему он придерживался такого мнения. Иеродиакон Иларион ограничился в отзыве таким замечанием:

«Современники отмечали, да и сам Хомяков чувствовал в своих рассуждениях „что-то протестантское“, но у него можно находить нечто и католическое. Автор, напр(имер), не раз повторяет о Хомякове самаринское: „жил в Церкви“ (стр. 214—215), но не заметил ли он, что основной нерв этой жизни, идея спасения чрез воплощение Бога понималась Хомяковым превратно в виде искупления, освобожденного от „неумолимой логики мироздания“?»³

Этот, казалось бы, обычный, не выходящий за рамки академической учебной деятельности отзыв о Иларионе после его публикации в январе 1914 года привлек внимание старшего сына известного славянофила, хранителя и издателя его сочинений Дмитрия Алексеевича Хомякова (1841—1919), подготовившего к изданию не одно собрание сочинений выдающегося славянофила. Д. А. Хомяков знал, что о. Иларнон, ставший к этому времени архимандритом и инспектором Академии, относился к славянофильству не без симпатии. Тем не менее богослов нашел в сочинениях Хомякова не только достоинства, но и очевидные недостатки, однако по чьей-то просьбе не стал выпячивать их в своем отзыве.

Дмитрий Алексеевич обратился к подававшему огромные надежды богослову с письмом, в котором просил архим. Илариона подробнее изложить свой взгляд на мировоззрение А. С. Хомякова, а именно разъяснить, как следует понимать его замечание на при-

² Это выражение было использовано Ю. Ф. Самариним в предисловии к тому «Богословских сочинений» Хомякова, впервые опубликованных в Праге в 1867 г.

³ Богословский вестник. 1914. Т. 1. Янв. Раздел: Журналы собраний Совета МДА. С. 179.

веденное студентом Аболенским самаринское изречение о том, что Хомяков жил в Церкви. Это письмо Д. А. Хомякова с просьбой о разъяснении, к сожалению, нам не известно, и мы знаем о нем только по его упоминанию в ответном письме богослова.

Развернутый ответ на него архим. Илариона, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 76. Л. 5—10), был опубликован в «Журнале Московской Патриархии» только в 2004 году без сколько-нибудь серьезных комментариев,⁴ Данный отзыв, не привлекая к себе после публикации, насколько нам известно, большого внимания исследователей славянофильства, представляет на самом деле огромный научный интерес и имеет важнейшее значение как для оценки Православной Церковью творческого наследия А. С. Хомякова, так и для исследования взглядов самого священномученика Илариона. Значение данного отзыва-разъяснения для православного истолкования сочинений Хомякова со святоотеческой точки зрения становится особенно понятным после ознакомления с ответным, благодарственным письмом Д. А. Хомякова, обращенным архим. Илариону. Об этом впервые публикуемом здесь письме Д. А. Хомякова, хранящемся в собрании семьи Ф. К. Андреева, речь пойдет ниже. Что касается Ф. К. Андреева, то он (кстати, однокурсник упомянутого Аболенского) осенью 1913 г. прямо со студенческой скамьи стал преподавателем МДА, «исправлявшим» должность доцента по кафедре систематической философии и логики.

Пока же обратимся к содержанию разъяснений архим. Илариона. Его довольно обширное письмо представляет собой настоящую полемическую статью, с теоретическими обобщениями, конкретными критическими замечаниями и их обоснованием. Ввиду его духовной ценности и прямого отношения к нашей публикации ознакомим читателей с этим письмом в подробных цитатах.

Письмо было написано 28 февраля 1914 г. Извинившись за задержку с ответом, вызванную большой занятостью, архим. Иларион пишет:

⁴ Письмо священномученика Илариона (Троицкого) Д. А. Хомякову / Публ. и коммент. А. Петрова // Журнал Московской Патриархии. 2004. № 9. С. 75—78.

Ваше внимание обратило мое замечание мимолетное в отзыве о кандидатском сочинении, где я говорю, что основной нерв церковной жизни — идею спасения А. С. Хомяков понимал превратно. Попытаюсь несколько раскрыть и обосновать свою мысль.

Из богословских сочинений А. С. Хомякова я весьма высоко ценю его полемические статьи, в которых основные мысли совпадают с полемикой древнеотеческой. Эти полемические статьи несомненно выше стоят современного им уровня русской богословской науки, дают ей плодотворный толчок. Об этом я читал в Академии публичную лекцию, когда исполнилось 50 лет со дня смерти А. С. (...) Потому полемика А. С. Хомякова и прекрасна, что в ней древне-церковный дух.

В упомянутой им лекции-статье о Хомякове, напечатанной в харьковском духовном журнале «Вера и разум», будущий архиепископ еще более подробно изложил свое отношение к взглядам известного славянофила. Он сфокусировал здесь внимание на полемических статьях Хомякова, показав идейное и методологическое сходство его работ с сочинениями древне-церковных полемистов. По мнению архим. Илариона, полемические статьи Хомякова «носят яркий отпечаток святоотеческой полемики».⁵

В письме к Дмитрию Алексеевичу архим. Иларион также положительно отзываясь о полемических статьях А. С. Хомякова, в которых он находит древний святоотеческий дух. Однако нам важно то, что основная часть письма архим. Илариона посвящена разъяснению того беглого замечания, которое он высказал в отзыве о работе студента Аболенского. Архим. Иларион критически разбирает учение видного славянофила о спасении, как бы разделив в нем истинно православного богослова и впадающего в рационализм философа:

Не могу сказать того же об его учении о спасении, а идею спасения я и считаю основным нервом церковной жизни. В учении о спасении А. С. не возвышается над нашей школьной догматикой, хотя и рассуждает о спасении

⁵ *Троицкий Владимир*. А. С. Хомяков и древнецерковные полемисты // Вера и разум. 1911. № 18. Сент. Кн. 2. С. 746.

философски. Когда у А. С. идет речь о спасении, — он больше философ, чем богослов. Здесь у него больше логики, нежели непосредственного ощущения религиозного идеала Церкви. Наша школьная догматика доселе умеет говорить о спасении, не употребляя даже самого слова «спасение», а заменяя его словом «искупление», причем и этому слову придается юридический смысл, которого оно не имело в литературе древне-церковной. Церковный религиозный идеал проникнут мыслью о новом творении, о новой твари. Это новое творение создается воплощением Бога на земле, восприятием человеческого естества в единство ипостаси Сына Божия, следствием чего является обожение естества человеческого. Грех — болезнь естества. Спасение есть исцеление от греха, дарование твари новых благодатных сил.

Высказав свои соображения по поводу идеи спасения, архим. Иларион, как обычно, обращается к древнему святоотеческому опыту:

Этой именно идеей нового творения жила древняя Церковь и вдохновлялась в борьбе с еретиками, отвергавшими божественное достоинство Христа, каковы были евионеи, ариане и др. Сущность дела Христова усматривала Древняя Церковь в самом факте воплощения. Приведу наиболее характерные слова св(ятого) Иринея Лионского из его сравнительно недавно открытого сочинения «Доказательство апостольской проповеди»: «Другие не придают никакого значения снисхождению Сына Божия и домостроительству Его воплощения, которое апостолы возвестили и пророки предсказали, что чрез это должно осуществиться совершенство нашего человечества. И такие должны быть причислены к маловерам» (гл. 99); «Христос принес все новое тем, что Он принес Себя Самого. Ибо это самое и было предсказано, что придет новое, что обновит и оживотворит человека» (Против ересей. IV, 34, 1).

Упомянув свое исследование о том, как раскрывалась идея нового творения в церковной полемике против еретиков иудействующих, архим. Иларион затем добавил также ряд важных высказываний святых отцов об обожении из периода борьбы с арианством:

Мы, люди, восприятые Словом, обожаем ради плоти Его» (Афанасий Вел(икий). Против ариан. III, 34); «Оно соделалось человеком, чтобы в Себе обожить нас» (К Аделфию, гл. 4); «Слово, Само сущее Бог, Который... соделался плотию по человеколюбию и, соединившись чрез оную с человеком, принял в себя все наше естество, дабы чрез растворение с Божеским (естеством) обожествилось человеческое, и начатком оным освяти лея вместе весь состав нашего естества» (Григорий Нисский. Антирритик, гл. 15); «Естество наше опять возвращается в свое прежнее состояние» (Антирритик, гл. 55). Не буду умножать подобных выписок. Я много приводил святоотеческих слов в своей статейке «Воплощение» (Московские) Церк(овные) Ведомости]. 1912. № 52).

Архим. Иларион прослеживает святоотеческую идею обожения и спасения и в современном церковном богослужении:

По тому же идеалу обожения вздыхает и ныне Святая Церковь в своих богослужениях, особ(енно) в службе на Рождество Христово, где читает замечательные слова „Возставити и прославити человеческое падшее естество приидох явственно“; «Видев Зиждитель гиблема человека... преклонив небеса, сходит; сего же от Девы Божественный чистыя всего осуществляет, воистину воплоться“; „Вочеловечься обновил есть нас“; „Перстного от самага единения и общения богосоделал еси“; „Бог Слово ныне утверждает немощное древле еже по нам существо, имже Себе вторым общением абие прелявля страстей свободное“».

Все это — и святоотеческие слова, и песни церковные — одна проповедь о великой религиозной (=благочестия) тайне: Бог явился во плоти. Древняя Церковь не только в богослужении, но и в богословии говорила о спасении и о воплощении. Теперь школьная догматика говорит об искуплении и как бы о казни Богом Своего Сына за грехи людей.

Очертив святоотеческий идеал обожения, архим. Иларион сопоставляет его с философскими рассуждениями А. С. Хомякова

о спасении и искуплении. Он находит в них более рационализма и логики, нежели церковно-православного онтологизма:

А. С. Хомяков ближе к школьной догматике, чем к церковному богословию. Может быть, плохо знаю я сочинения А. С. Хомякова, но я затрудняюсь привести из них параллели к вышеписанным отеческим и богослужебным фразам. Зато у него нахожу скоро отвлеченно-юридические рассуждения о спасении. См. особ(енно) т. II, стр. 216 слл. (по изд. 1907 года): «Тварь носит свой приговор» (II. 216); «Сын Божий состоит под тяжестью гнева Божия, под тяжестью осуждения» (II. 217); «Христос на кресте судится, так сказать, с Богом, т. е. с неумолимою логикою мироздания. Он, — невинный, жертва этой логики» (VIII. 342); «Он несет приговор. Этот приговор — смерть» (II. 217); «Христос погасил своею кровию пламень Божественной правды» (II. 119); «Христос силою безграничной Своей любви принял на Себя человеческие грехи и справедливую за них казнь» (II. 119—120); «Грех подвергает нас тяжести Божественного гнева» (II. 272). Самую необходимость искупления А. С. Хомяков доказывает существованием «закона, закона строгого, непреклонного, неумолимого» (II. 216).

Во всех этих и подобных словах А. С. Хомякова мне слышится совсем другое, нежели в церковных песнопениях, нежели в творениях величайших церковных богословов.

Мне кажется, даже лучшим идеям А. С. Хомякова о Церкви можно поставить упрек: они не поставлены в связь с идеей воплощения и нового творения, как это, по-моему, непреложно должно быть в православном богословии. А. С. вообще мало говорит о воплощении. Это и понятно при его диалектико-рационалистическом способе рассуждения даже по богословским вопросам.

Архим. Иларион так заключает свои рассуждения:

Вот Вам, глубокочтимый Димитрий Алексеевич, мой краткий ответ на вопрос, почему я назвал превратным представлением А. С. основного нерва церковной жизни — идеи спасения. У него эта идея получает отвлеченно-юридическое раскрытие и даже оторвана от воплощения, чего не де-

ляли древнецерковные богословы и чего не делает Церковь сейчас в своем богослужении. Но я ничуть не думаю в том винить А. С. Хомякова. Больше я склонен винить нашу духовную школу, которая двести лет в вопросе о спасении стоит в рабской зависимости от средневековых католических образцов. От юридического представления всего дела спасения, к сожалению, мы не освободились доселе. Между нашим богословием и богослужением — противоестественный разрыв. Может быть, не случайно, что в нашем богослужении пропускаются почти все стихиры и каноны, в которых «православного богатство богословия». Это богословие нами забыто, нам стало чуждо. Мы потеряли к нему вкус.

Грешно было бы не ценить заслуг А. С. Хомякова для православной богословской науки. Для многих он доселе служит толчком для первого сдвига с проторенных путей школьной догматики. Но кто далеко уйдет с этих путей, тот, думается мне, должен заметить, что в вопросе о спасении следует мыслить несколько иначе, чем А. С. Хомяков.

А, С. несомненно «жил в Церкви», но мыслил об этой жизни с большим оттенком рационализма и схоластики.

Попросив прощения у Дмитрия Алексеевича, если он «написал что-либо неразумное», так как не имел возможности перечитать сочинений А. С. Хомякова, но тем не менее выразил уверенность, что их «общий дух» был им понят.

В конце письма архим. Иларион отметил, они с Д. А. Хомяковым — «земляки», и это беглое замечание очень порадовало своим дружеским тоном его заочного «собеседника». Действительно, оба они были родом из Тульской губернии.

Это чрезвычайно важный для истории русской богословской и философской мысли документ, который не может не привлечь внимания любого вдумчивого исследователя творческого наследия А. С. Хомякова, становится еще более понятным и значительным в свете ответного письма Д. А. Хомякова, публикуемого нами ниже.

Следует здесь отметить, что Дмитрий Алексеевич Хомяков был не только разносторонне образованным человеком, посвятившим многие годы изданию сочинений своего отца, но и проявил себя незаурядным мыслителем, близким по своим взглядам к консер-

вативной ветви позднего славянофильства, а также видным церковным деятелем и педагогом. Он оставил после себя целый ряд богословских, философских и публицистических сочинений, которые после десятилетий несправедливого забвения снова издаются в нашей стране.⁶

В архиве семьи священника Ф. К. Андреева сохранилось письмо Д. А. Хомякова к архим. Илариону (Троицкому) от 5 марта 1914 г., которое, как выяснилось при его изучении, является ответом на цитируемое выше пространное разъяснительное письмо архим. Илариона, посвященное взглядам А. С. Хомякова. Подобно полемическому ответу Д. А. Хомякова на замечания профессора МДА прот. А. В. Горского по поводу сочинений А. С. Хомякова, оно раскрывает новые грани восприятия наследия известного славянофила и разъясняет позицию сына Хомякова, издателя его сочинений и апологета его воззрений.

В ответном письме Дмитрий Алексеевич вроде бы и соглашается с замечанием церковного богослова, называя его «аподиктическим», то есть неопровержимым, и «важным». Однако, бережно храня память о своем отце и изыскивая аргументы в его защиту, он выдвигает версию, что А. С. Хомяков вполне согласился бы с тем определением Церкви, которое дал архим. Иларион. По мнению сына, А. С. Хомяков сознательно заузил свое определение Церкви в полемических целях, имея в виду учение о спасении Римско-католической церкви, включающее в себя такое чуждое Православию юридическое понятие, как «заслуги Христа». Д. А. Хомяков намеревался использовать приведенные архим. Иларионом критические замечания, также как и известные замечания прот. А. Горского, в комментариях к будущему изданию богословских сочинений своего отца. Хотя такое издание с использованием этих пояснений архим. Илариона, видимо, Д. А. Хомякову осуществить не удалось, современным издателям и исследователям богословских сочинений А. С. Хомякова следует учесть пожелание Дмитрия Алексеевича и включить замечания авторитетных православных богословов в круг важнейших мнений, рассматриваемых в связи с творческим наследием выдающегося славянофила.

Что касается личности и идей прот. Феодора Андреева (1887—1929), через которого до нас дошло это письмо, он известен главным

⁶ Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. / Сост., вступ. ст., примеч., именной словарь А. Д. Каплина. М., 2011.

образом как православный подвижник, один из духовных вождей церковного движения 1920-х годов, оппозиционного по отношению к Декларации митрополита Сергия о необходимости «лояльности» к советской власти и получившего название «иосифлянства».⁷ В 1914 г. Федор Константинович, практически ровесник архим. Илариона, также был, как отмечалось выше, подающим надежды молодым преподавателем МДА. В это время он работал над своей магистерской диссертацией, посвященной религиозно-философским взглядам славянофила Ю. Ф. Самарина и всему славянофильскому кружку. Его огромная, выросшая из кандидатской работы диссертация, которую он собирался по рекомендации Совета академии издать в виде монографии, была в 1916 г. закончена и представлена к защите, которая из-за наступившей вскоре смуты не состоялась. Почти завершенная книга о Самарине и славянофильском кружке, которая должна была стать событием в изучении славянофильства, из-за революции издана не была. Рукопись погибла после изъятия архива при аресте вдовы прот. Феодора.

Вероятно, архим. Иларион (Троицкий) отдал Ф. К. Андрееву важное в идейном отношении письмо для того, чтобы он использовал его в своих исследованиях славянофильства. Архив прот. Феодора Андреева погиб, но публикуемое письмо находилось в чемоданчике с черновиками кандидатской диссертации Федора Константиновича, который сохранился в семье о. Павла Флоренского, его близкого друга. Впоследствии вдова о. Павла вернула этот чемоданчик с рукописями вдове прот. Феодора Н. Н. Андреевой. Мы выражаем благодарность дочери о. Феодора и Наталии Николаевны Марии Федоровне Андреевой, которая любезно предоставила нам это письмо для публикации.

⁷ См. подробнее о нем в статье: *Фатеев В. А.* Флоренский или Андреев? Еще раз по поводу доклада о Блоке, приписываемого о. Павлу Флоренскому // *Христианство и русская литература.* СПб., 1999. Сб. 3. С. 298—330.

Д. А. Хомяков — архим. Илариону (Троицкому)

5 марта 1914 г., Москва

На конверте:

Его Высокопревосходительству

Архимандриту Илариону

Сергиева Троицкая Лавра,

г. Инспектору Имп. Д(уховной) Академии

Почтовые штемпели: Москва. 5.3.14; Сергиевский Посад.

Московской) Г(уб.). 6. 3.14

Очень благодарен Вам, отец Архимандрит, за Ваш ответ⁸ на мой вопрос, как понимать Ваше замечание на приведенное г. Аболенским самаринское изречение о том, что Хомяков жил в Церкви.⁹ В Вашем замечании было сказано, что *основной* нерв этой жизни понимается превратно Хомяковым, из чего можно было вывести заключение, что Хомяков, не понимая, в чем Церковь состоит, не мог собственно и жить в ней. Такое важное замечание не могло не показаться мне очень важным в ряду других замечаний и возражений, сделанных на богословствование отца моего; и потому мне и хотелось иметь т(ак) ск(азать) мотивированное изложение этого *аподиктического* замечания Вашего, конечно не с целями полемическими, а только ознакомительными. Теперь, когда Вы были так добры изложить весьма подробно основание Вашего замечания, мне остается только благодарить Вас и попросить Ваше позволение напечатать таковые в будущем издании 2 тома сочинений отца моего, вместе с замечаниями прот. Горского,¹⁰ возражениями Пальмера¹¹ и т. п. Вероятно, мне не придется самому выпускать новое издание, но, если Вы позволите, то я приложу Ваше почтенное письмо к тому богословских) сочинений отца моего, по кото-

⁸ Имеется в виду ответ архим. Илариона (Троицкого) от 28 февраля 1914 г. на письмо Д. А. Хомякова (см. примеч. 4).

⁹ См. примеч. 1.

¹⁰ О замечаниях А. В. Горского на богословские сочинения Хомякова // Богословский вестник. 1900, Ноябрь, С. 516—543.

¹¹ Полемицировавший с А. С. Хомяковым английский теолог, представитель Англиканской церкви Уильям Пальмер (William Palmer; 1811—1879), делал свои замечания на сочинения Хомякова в письмах к нему. Они неоднократно публиковались в качестве одного из приложений к богословским сочинениям Хомякова.

рому будущий издатель будет возможно производить печатание.¹² Сколько я помню, кто-то просил Вас не подчеркивать эту *слабую сторону* учения Хомякова о Церкви, посему и неудивительно, что ее и не заметил г. Аболенский; но именно это обстоятельство и придает особую важность замечанию Вашему, Лично я думаю, что в глазах Хомякова Ваше возражение на его понятие о Церкви не показалось бы возражением, ибо он никогда не отрицал то, что Вы утверждаете; но для его полемических целей не без нужды указывает на то, что его противниками не отрицалось и не перетолковывалось; ему нужно было (для изданий) объяснить, как Церковь понимает «вменение» «заслуги Христа» (католическое) выражение»¹³), и он на этом сосредоточил свое внимание, предполагая, видимо, что подчеркивая учение о любви, которое составляет, по его мнению, *живой нерв церковной жизни*, он достигает этим умаления различия между пониманием Западным и Восточным.

Еще раз благодарю Вас очень за Ваше интересное письмо, извинившись в том, что своим вопросом даже нанес Вам какое затруднение, а очень тронутый тем, что Вы любезно упомянули о нашем землячестве, о котором я очень знал, когда Вы носили Ваше мирское имя — покорнейше прошу Вас принять выражение глубочайшего уважения и преданности.

Вашего Высокопреподобия
почтенного слуга
Дм. Хомяков

1914 г. Марта 5-го
Москва

¹² Пояснения архим. Илариона к богословским сочинениям А. С. Хомякова в вышедших перед революцией изданиях нами не выявлены.

¹³ Имеется в виду католический термин «*meritum Christi*» (*лат.*).